

ЖАДНЫЙ МУЖИКЪ.

Разсказъ Эртеля.

Дорогіє друзья!

Представляемъ вамъ произведеніе Александра Ивановича Эртеля «Повѣсть о жадномъ мужикѣ Ермилѣ». Она разкажетъ намъ объ одномъ крестьянинѣ, который, не желая работать на землѣ, поступилъ на работу къ купцу. Научившись грамотѣ и совершивъ преступленіе, главный герой разбогатѣлъ и самъ сталъ купцомъ. Наживаль онъ состояніе обманывая другихъ людей. Потерявъ свои деньги, онъ раскаялся и помогъ своимъ деревенскимъ согражданамъ.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ источникомъ отъ 1886 года¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

¹ Эртель, А. И. Повѣсть о жадномъ мужикѣ Ермилѣ / [Соч.] А. И. Эртеля. – Москва: Посредникъ, 1886. – 69 с.; 17.

ПОВѢСТЬ
О
ЖАДНОМЪ МУЖИКѢ ЕРМИЛѢ.

А.И. Эртеля.

Изданіе склада «ПОСРЕДНИКЪ».

Дозв. Цензурою С.-Петербургу, 5 Марта 1886 г.

МОСКВА.
Типографія И.Д. Сытина и К°. Пятницкая, собств. домъ.
1886.

ПОВѢСТЬ О ЖАДНОМЪ МУЖИКѢ ЕРМИЛѢ.

I.

Въ Орловской губерніи есть село Большіе Ключи. Тому назадъ лѣтъ тридцать, еще при господахъ, жили въ этомъ селѣ три брата — Иванъ, Онисимъ да Ермилъ. Баринъ ихъ проживалъ въ чужихъ краяхъ, мужиковъ не отягощалъ, и сидѣли у него мужики на оброкѣ: высылали барину каждый Покровъ по десяти рублей съ тягла. Старшій братъ Иванъ, да середній Онисимъ были женаты и уже имѣли дѣтей: Онисимъ двоихъ имѣлъ дѣтей, Иванъ — троихъ, меньшей братъ Ермилъ былъ еще подростокъ. Хозяйство у братьевъ велось исправное, но не зажиточное. Мужики они были непьющіе и на работу завистливые: выйдутъ, бывало, косить — за троихъ управляются. Но какъ было у нихъ много ѣдоковъ, а Ермилъ по своимъ малымъ годамъ за мужицкую работу еще не принимался, то и не было большого избытка въ ихъ хозяйствѣ. Обходились своимъ хлѣбомъ, пахать выѣзжали въ двѣ сохи; въ стадо выгоняли бабы корову да подтелка, да четыре овцы; оброкъ о Покровѣ выправляли акуратно. Избытка же не было.

Только сдѣлалась въ Россіи война. Пришелъ французъ, пришелъ англичанинъ съ туркой и съ итальянцемъ, обложили русскій городъ Севастополь и побили много народу. Не хватило солдатъ у царя, велѣлъ онъ собирать ратниковъ. Дошелъ чередъ и до села Большихъ Ключей, пришлось итти Онисиму въ ратники. Пошелъ онъ, захворалъ въ походѣ, — похода еще не кончилъ, померъ отъ горячки. Онъ померъ, ратничиха съ сиротами осталась у Ивана, и стало Ивану очень трудно. Взялся Ермилъ за косу, началъ привыкать

по маленьку, и подумалъ Иванъ: женимъ малаго, посадимъ на тягло, извернемся какъ нибудь. Хотѣлъ женить, а тутъ случился плохой годъ: ударили поздніе морозы, охватили рожь на цвѣту; лѣтомъ пришла на горохъ вошь, горячіе вѣтры овесъ пожгли. Пришлось убирать мужикамъ одну солому. Еще труднѣе стало братьямъ.

Тѣмъ временемъ у барина появились свои заботы. Пришло письмо отъ барина, погнали добавочный оброкъ по шести рублей съ тягла. Староста повадился ходить къ Ивану чуть не каждый день, ходить, посошкомъ постукиваетъ, зудить. И заскучалъ Иванъ: стыдно ему стало передъ людьми за свою бѣдность.

Вотъ сѣли обѣдать, Иванъ и говоритъ Ермилу:

— Иди, Ермилъ, къ купцу въ работники. Возьмемъ задатокъ, извернемся какъ нибудь. А я, какъ ни какъ, оборочусь одинъ: можетъ въ извозъ сѣѣзжу можетъ поденьщина какая навернется.

Ермилъ покряхтѣлъ, почесалъ въ головѣ, почесалъ вокругъ поясицы и говоритъ брату:

— Дѣло-то не привычное въ работникахъ. Кто ее знаетъ какъ оно тамъ... Порядки, гляди, не нашинскіе: какой ногой ступить, гдѣ стать, гдѣ сѣсть...

II.

Однако подумали, подумали, — собрался Ермилъ, выправилъ себѣ билетъ у прикащика, пошелъ въ городъ. И такое, ему вышло счастье, что сразу нанялъ его купецъ и выдалъ впередъ двѣнадцать рублей. Откупился Иванъ отъ старосты.

И попался Ермилу купецъ добрый. Ругаться не ругается, работой не неволить, харчей даетъ въ волю; а по праздникамъ и водки подноситъ. Полюбилось Ермилу такое житье. Малый онъ былъ проворный, сметливый и

сталъ онъ мало по малу приглядываться.

И видитъ на первый разъ, что купецъ уважаетъ чистоту. Дворъ у него большой, мощеный, навезуть мужики хлѣбъ съ базара, натаскають навозу, насорятъ зерномъ — Ермилъ возьметъ метлу да все чисто на чисто и подмететь. Подымется метель, повалитъ снѣгъ, навѣетъ вьюга сугробы — Ермилъ возьметъ въ руки лопату да и сгребетъ снѣгъ къ сторонкѣ. А купецъ пройдетъ мимо, ухмыльнется, погладитъ бороду и скажетъ Ермилу:

— Старайся, старайся, парень, труды твои за мной не пропадутъ.

И еще видитъ Ермилъ, что купецъ любитъ почетъ; любитъ, чтобъ съ нимъ обходились вѣжливо, кланялись бы ему низко. Бывало такъ: назоветъ его какой нибудь человѣкъ вашимъ степенствомъ, поклонится ему, и купецъ радъ и всячески отличаетъ такого человека. Ермилъ тоже сталъ приноравливаться: началъ хозяина величать, шапку передъ нимъ скидать — самъ кланяется, а лицо оказываетъ веселое, точно ему великій праздникъ хозяина своего видѣть. И купецъ очень былъ доволенъ Ермиломъ.

И еще видитъ Ермилъ — ссыпаетъ купецъ у мужиковъ хлѣбъ, и какъ какой молодецъ озарнѣе поступаетъ съ мужиками, какъ ежели похоть на вѣсахъ выходить у него больше противъ другихъ молодецъ — такъ тотъ молодецъ пріятнѣй купцу и случается, что купецъ выдаетъ ему награжденье. И носятъ такіе молодцы одежду изъ тонкаго сукна, сапоги на нихъ хорошіе, вытяжки, живутъ весело, всегда съ деньгами. Ермилъ не будь плохъ и говоритъ купцу:

— Семъ-ка я, ваше степенство, попытаюсь. Я къ этому дѣлу присмотрѣлся.

Согласился купецъ и остался очень доволенъ Ермиловой ссыпкой. — Съ мужиками Ермилъ зубъ за

зубъ; ежели ссыпка на мѣру идетъ — въ мѣрѣ зерно кулакомъ утаптываетъ, гребломъ о-бока поколачиваетъ, сгребаешь съ хитростью все больше около краевъ, а середка горбомъ стоитъ; ежели ссыпка на вѣсъ — Ермилъ промежъ вѣсовъ вертится, пальцемъ за стрѣлку цѣпляешь, наровить доску съ гирями ногой подтянуть. Мужики только головами крутятъ — «Ну, ужъ песь у тебя этотъ парень» — говорятъ купцу. А купецъ притворяется будто не его дѣло. Самъ же примѣчаетъ за Ермиломъ и радуется. И призываетъ его одинъ разъ къ себѣ въ горницы и говоритъ:

— Вижу твою ухватку, Ермилъ. Труды твои за мной не пропадутъ. — И тутъ же подноситъ ему стаканъ водки, а самъ вытаскиваетъ изъ кошелька пятишницу и говоритъ: — это тебѣ за твои труды награжденіе Старайся. Обрадовался Ермилъ. Купилъ себѣ рукавицы замшевыя справилъ поддевку тонкаго сукна и еще больше началъ угождать хозяину.

III.

И сталъ купецъ сажать его съ собой вмѣсто кучера. Поѣдетъ по господамъ хлѣбъ скупать — и Ермилъ съ нимъ; поѣдетъ по базарамъ ссыпку дѣлать — и Ермилъ съ нимъ. Не нахвалится купецъ Ермиломъ. Кули набиваетъ, подводы нанимаетъ, мѣрой гремитъ — вся ухватка молодцовская, совсѣмъ на мужика сталъ не похожъ.

Вотъ разъ ѣдутъ они дорогой. Небо бѣлое, поле бѣлое, по дорогѣ вешки натыканы, полозья визжатъ по морозу. Скучно сдѣлалось купцу и завелъ онъ разговоръ съ Ермиломъ.

— Вотъ, говоритъ, Ермилъ, купили мы съ тобой двѣ тысячи кулей овса. Купили дешево, а продадимъ дорого. Смотри сюда — и показываетъ ему на пальцахъ

— цѣна въ покупкѣ девять гривенъ серебра, амбаръ ляжетъ пятакъ на куль; кули — три денежки съ пуда: девять копѣекъ; до Москвы переправить четвертакъ съ пуда — за куль полтора цѣлковыхъ. Сколько выйдетъ по твоему?

Смѣкнулъ Ермилъ и говоритъ:

— По моему выходитъ девять рублей безъ гривны, ваше степенство.

— Дуракъ! кто нынче на ассигнаціи считаетъ? Смѣкни на серебро.

Подумалъ Ермилъ и вышло у него на серебро 2 р. 54 к. за куль. Сказалъ онъ такъ, да тутъ же и притворился, чтобы польстить купцу: — конечно, мы люди темные. Вашему степенству лучше знать — вашему уму виднѣе. Купецъ совсѣмъ размякъ отъ этихъ словъ. Погладилъ бороду, шубой запахнулся и еще больше сталъ ему любъ Ермилъ. И показываетъ онъ ему письмо.

— Вотъ гляди, говоритъ, Ермилъ, — парень ты тямкой, одна твоя бѣда: грамотѣ не смыслишь. А я ученъ грамотѣ. Потому — ты мужикъ и отцы твои, можетъ, пнямъ Богу молились, а у меня и отецъ купецъ, и дѣдъ купецъ, и самъ я купецъ по третьей гильдіи. И потому мнѣ грамота нужна. Вотъ въ самомъ этомъ письмѣ изъ Москвы пишутъ: цѣна на овесъ стоитъ сильная — три рубля серебромъ за куль; а коли овинный, то и набавятъ. Понялъ?

— Понялъ, — говоритъ Ермилъ, а у самого такъ и мелькаетъ въ мысляхъ: сколько же лишковъ получить купецъ? И смѣкнулъ, что лишковъ будетъ на каждый куль 46 копѣекъ, потому овесъ больше все мужицкій, сыромолотный. И, смѣкнувши, говоритъ:

— Лишковъ на каждый куль 46 к. выходитъ, ваше степенство.

— Лишковъ! это барышъ, малый, а не лишки. А сочти теперъ, сколько всего перепадетъ на мою долю отъ

двухъ-тысячь кулей.

Не сосчиталь Ермилъ, сбился. Купецъ засмѣялся и говоритъ: девять сотъ двадцать цѣлковыхъ, дурашка ты эдакая! — И захотѣлось ему побахвалиться передь Ермиломъ. Вынулъ онъ бумажникъ, развернулъ и говоритъ: — гляди, тутъ всего семьсотъ рублевокъ однихъ. Такъ ежели вотъ доложить къ этой кучѣ еще двѣ сотенныхъ бумажки, — это и будетъ мой барышъ на овесъ. Поняль?

Покосился Ермилъ, видитъ бумажникъ у купца такъ и распухъ отъ денегъ, словно подушка какая набить.

— Поняль, — говоритъ, а у самого такъ сердце и загорѣлось отъ жадности.

— Вотъ то-то. Сказано — ученье свѣтъ, а не ученье тьма, такъ оно и выходитъ. Ну-ка, малый, хлысни пѣгашку-то, чего она, шельма, постромки опустила.

Вздохнулъ Ермилъ, погналь лошадей.

И сталъ съ этихъ поръ скучать Ермилъ. Возьметъ-ли метлу въ руки, примется-ли жеребца хозяйскаго чистить, начнетъ-ли сугробы сгребать — не лежитъ его душа къ работѣ. Поужинаетъ, заляжетъ спать на печь, и тепло ему, и сытно, а беспокойно у него въ мысляхъ. Представляется ему — ѣдутъ они съ купцомъ по дорогѣ, поле бѣлое, небо бѣлое, полозья визжать, вешки по сторонамъ натыканы, а купецъ запахнулъ шубу, и изъ-за шубы бумажникъ у него оттопырился. Люди храпъ подымутъ, на дворѣ пѣтухи закричатъ, въ соборѣ къ утренѣ ударятъ, а Ермилъ все вертится съ бока на бокъ. Прежде разѣлся онъ на хозяйскихъ харчахъ; щеки отдулись, шея стала какъ у борова, кафтанъ — что захватилъ изъ дома — не сходится: станеть застегивать — пельки трещать. А тутъ дѣло подошло — отоцалъ онъ отъ своихъ мыслей, изъ лица сталъ темный, глаза ввалились. Никакъ не

одолѣть своей жадности. А поглядить на купеческую жизнь — еще больше разжигаетъ его зависть. Утромъ встанетъ купецъ, обрядится, вздѣнетъ лисью шубу и пойдетъ къ обѣднѣ. Домой воротится — самоваръ у него на столѣ, пироги пшеничные, лепешки сдобные. Жена разрядится, ковровый платокъ распуститъ по плечамъ, сидитъ, чаекъ попиваетъ; щеки красныя, сама рыхлая, толстая, такъ и разваливается какъ малина. Наѣтся купецъ, напѣтся, отвалится отъ стола и пойдетъ въ ряды на прогулку. Соберутся купцы въ рядахъ, учнутъ шутки шутить, зазовутъ для потѣхи дурачка какогонибудь, заставятъ его пѣсни играть, плясать, — сами такъ и надрываются со смѣху. Не то — въ трактиръ пойдутъ чай пить, о торговыхъ своихъ дѣлахъ толкуютъ. Придетъ купецъ домой, — ужъ на столѣ и жареное и вареное. И гусятина каждый день, и щи съ убиной, и каша съ масломъ, и водка, и квасъ. Послѣ обѣда ляжетъ купецъ съ женой на пуховики и спитъ вплоть до вечера. Выспится — за ворота выйдетъ, орѣхи начнетъ щелкать. Кто не пройдетъ мимо — поклонъ ему отдаетъ.

Тѣмъ временемъ колесо идетъ своимъ порядкомъ. Мужики хлѣбъ привозятъ; молодцы ссыпаютъ, ругаются съ мужиками, кули набиваютъ. Ермилъ иголкой да суровыми нитками всѣ себѣ руки намозолилъ. Ссыпка спѣшная, горячая. Обозы чуть не каждый день купеческій хлѣбъ въ Москву отвлакиваютъ.

IV.

И видитъ Ермилъ — все колесо держится грамотой, чужими людьми, да деньгами. Подумалъ, подумалъ онъ: дай, говорить, грамотѣ научусь, не объѣвокъ я какойнибудь на самомъ дѣлѣ. И услыхалъ, что живетъ въ слободѣ такой человѣкъ, — обучаетъ

грамотѣ и счету. Выбралъ Ермилъ праздничное время, отпросился у хозяина будто къ сапожнику за сапогами и пошелъ въ слободу. И долго искалъ того человѣка. Жилъ онъ у мужика на задворкахъ; кругомъ избушки сугробы намело; окошки крохотныя, въ дверь пролѣзть — скрючиться надо. Вошелъ Ермилъ въ сѣнцы, обмелъ сапоги, взялся за кольцо и вдругъ ему стало стыдно: какъ это такой онъ большой малый и вздумалъ грамотѣ учиться; не засмѣялъ бы его этотъ человѣкъ!

Однако справился, виски пригладилъ, дернулъ за кольцо, вошелъ. И видитъ — сидитъ на лавкѣ немолодой человѣкъ, обряженъ въ чистую рубаху, изъ себя костлявый, сморщенный, — сидитъ и въ книжку смотреть.

— Здоровъ будешь, — говоритъ Ермилъ, а у самого въ глоткѣ пересохло отъ страха. Оторвался человѣкъ отъ книжки, посмотрѣлъ на Ермила. И по глазамъ увидѣлъ Ермилъ, что человѣкъ тотъ мягкій, милостивый, не станетъ надъ нимъ смѣяться, и сразу сдѣлалось ему ловко. Разсказалъ онъ свое горе. И какъ сказалъ, что желаетъ грамотѣ научиться, — просвѣтлѣлъ тотъ человѣкъ, обрадовался, не знаетъ, гдѣ посадить ему Ермила; а какъ сказалъ Ермилъ, на что ему грамота нужна — понялъ человѣкъ, какая жадность одолѣваетъ Ермила и запечалился.

— Ты ужъ, сдѣлай милость, научи, милый человѣкъ, — говоритъ Ермилъ, — я тебѣ не токмо — по гробъ жизни буду благодаренъ.

Молчитъ человѣкъ, глядитъ въ землю.

— Ты ужъ не сомнѣвайся, — говоритъ Ермилъ, — труды твои за мной не пропадутъ. Какъ никакъ — отплачу тебѣ.

Поднялъ человѣкъ глаза и заговорилъ. И видитъ Ермилъ — совсѣмъ передъ нимъ другой человѣкъ: голосъ строгій, изъ лица пасмуренъ.

— Не отъ Бога, говорить, твоя охота къ ученію, но отъ дьявола. Богъ вложилъ въ тебя понятіе и далъ разумъ. Но ежели ты захотѣлъ учиться ради наживы, ежели ты раззарился на сладкое житье и хочешь подражать купцами, — это не отъ Бога, но отъ дьявола. Грамота не на то дана, чтобы душу погубить, но чтобъ спасти.

— Эка, голова, при деньгахъ и спастись легче, — со смѣшкомъ говорить Ермилъ, а самого зло беретъ на человѣка, — ты гляди нашъ хозяинъ каждый день къ обѣднѣ ходитъ, свѣчки ставитъ по четвертаку за свѣчку, колоколь справилъ въ соборъ.

Покачалъ человѣкъ головой на эти слова, насупился, развернулъ книжку и прочиталъ Ермилу: «Увидѣлъ Христосъ богатыхъ, клавшихъ дары свои въ сокровищницу. Увидѣлъ также и бѣдную вдову, положившую двѣ лепты и сказалъ: истинно говорю вамъ, что эта бѣдная вдова больше всѣхъ положила, ибо всѣ отъ избытка своего положили въ даръ Богу, а она отъ скудности своей положила все пропитаніе свое, которое имѣла *.

Ермилъ въ одно ухо слушалъ, въ другое выпускалъ: очень ужъ его разбирала досада на человѣка и говорить:

— Ты вотъ что, — нечего тутъ съ тобой толковать: мнѣ еще жеребца хозяйскаго надо напоить, — хочешь цѣлковый за учебу?

— Мнѣ денегъ твоихъ не надо, — говорить человѣкъ, — подумаешь, отстанешь отъ своей жадности — даромъ выучу. — И опять сказалъ: грамота не дана, чтобы погубить душу, но спасти.

— Да чудакъ ты, — ежели не по торговой части, на что она мнѣ грамота-то твоя! Я въ мужикахъ и безъ

* Лук. XXI. 1–4.

грамоты цѣпь-то въ рукахъ удержу. Мнѣ счастье свое хочется найти, талантъ.

— Иной и талантъ на погибель, сказалъ человѣкъ.

Осерчалъ Ермилъ, не сталъ слушать человѣка, нахлобучилъ шапку, хлопнулъ дверью, изругался и пошелъ ко двору.

V.

И на его счастье взялся одинъ прикащикъ научить его. Сбѣгалъ украдкой Ермилъ на базаръ, купилъ азбуку, выстругалъ указку; отслужили они съ прикащикомъ молебень святому Науму; сходили для начала въ трактиръ, и засѣлъ Ермилъ. И учился онъ отъ людей тайкомъ, крадучись, чтобы люди не смѣялись надъ нимъ: вотъ, молъ, какой здоровый малый за азами убивается. Люди спать, а онъ въ книжку глядитъ; люди за ворота пойдутъ, а онъ забьется въ конюшню склады твердить. И такъ ему далась грамота, что не прошелъ еще великій постъ, а онъ печатное сталъ разбирать, началъ понимать, если что цифрами обозначено; на бумагѣ могъ перомъ слова выводить.

А дѣла его шли своимъ порядкомъ: то снѣгъ счищаетъ, то хлѣбъ ссыпаетъ, то кули зашиваетъ; и купецъ его не забывалъ: когда рублевку даетъ, когда двѣ. Справилъ Ермилъ себѣ весь обрядъ, а про брата Ивана и думать забылъ. Посылалъ ему, что причиталось изъ договореннаго. Когда полтинникъ пошлетъ, когда четвертакъ. Село было далеко, за сорокъ верстъ. Мужики ѣздили въ городъ рѣдко, развѣ нужда какая пристигнетъ. Съ ними и посылалъ Ермилъ деньги брату Ивану.

Только на святой пришелъ въ городъ Иванъ. Отощалъ за зиму; кафтанъ на немъ съ заплатами, онучи

веревками обмотаны. Посмотрѣль, посмотрѣль, видитъ — Ермиль въ поддевкѣ тонкаго сукна, рубаха на немъ французская, портки плисовые, сапоги вытяжные. И прискорбно показалось это Ивану.

— Ты бы, говорить, Ермиль, поопасался маленько. Мы за зиму-то бились, бились. Телку на мукѣ стравили, и телки не хватило, одежонку заложили. Извоза не было, скотинка отошала. Теперь, вотъ, овса на сѣмена надо купить, а ты форсишь.

— Что-жъ форсишь! — говорить Ермиль, — зажитые которые я тебѣ отсылалъ. Да пятишница за хозяиномъ, коли не больше. А это воля хозяйская давать сверхъ договору. Ужъ это за ухватку за мою. А ежели тебѣ обрядъ мой не по нраву — это опять дѣло хозяйское. — И совралъ тутъ Ермиль: сказалъ, что хозяинъ дарилъ его не деньгами, а одежой.

Нечего сказать Ивану. И пріятно ему, что Ермиломъ доволенъ купецъ, и прискорбно, какъ поглядить на малаго. — Ну, думаетъ, за соху возьметъ, форсъ-то съ него скоро соскочить. Обойдется какъ-нибудь.

Пошли они въ трактиръ, напились чаю съ калачомъ, выпили водки, Иванъ и говорить Ермилу: — иди ты, Ермиль, покамѣсть, къ купцу, забирай расчетъ, да укладывай худобу, а я тѣмъ временемъ, на базаръ сбѣгаю: бабы наказывали пряжу продать.

Взялъ мѣшокъ, пошелъ на базаръ съ пряжей.

Что тутъ дѣлать! Воротить душу у Ермила, не хочется сходить ему отъ купца, отвыкъ онъ отъ крестьянской работы. Поднялся онъ въ горницы, постоялъ, постоялъ въ сѣнцахъ, махнулъ рукой и не пошелъ къ хозяину. Сѣлъ за воротами, сидитъ подсолнухи лущить.

Иванъ на базарѣ еще выпилъ водки. Идетъ оттуда веселый; подъ мышками новую палицу тащить;

въ мѣшкѣ бублики ребятишкамъ да двѣ свистульки. Пряжу продалъ хорошо.

Увидаль его Ермиль, повернулся отъ воротъ, — пошелъ въ конюшню. — Ну, думаетъ Иванъ, Ермиль должно собрался, за воротами меня поджидалъ. — Присѣлъ самъ за воротами, ждетъ — нѣту Ермила. Что, думаетъ, за оказія. Пошелъ, разыскалъ.

— Собрался, что ли, — говоритъ, — давай мѣшокъ-то, я туда палицу положу. Ей способнѣй въ худобѣ лежать. Взялъ деньги? Много пришлось? Сопить Ермиль, молчитъ. Понялъ Иванъ, что малый замудрилъ, взяло его сердце. Хмѣль ему въ голову ударилъ, закуражился онъ, закричалъ на брата. Пошелъ самъ къ купцу. Маленько погода, позвали и Ермила въ горницы.

— Вотъ что, Ермиль, — говоритъ ему купецъ, — дѣловъ у меня лѣтомъ мало, а тебя вонъ братъ требуетъ, артачится. Я этихъ пустяковъ не люблю. Къ зимѣ приходи — опять возьму: ты малый ухватистый. А теперь иди съ Господомъ ко двору.

Выплатилъ, что причиталось, отпустилъ ихъ. Нечего было дѣлать Ермилу. Собралъ онъ свою худобу, взвалилъ на плечи и пошелъ, скрѣпя сердце, за братомъ.

VI.

На Ооминой выѣхали братья пахать. Обулъ Ермиль лапти, вздѣлъ посконную рубаху, — походилъ за сохой. Сперва одышка брала, поясницу ломило, потомъ обошелся — ничего, легко ему сдѣлалось пахать.

Однако не лежала его душа къ крестьянской работѣ. Отлынивать не отлыниваетъ, а все прежнюю жизнь воспоминаетъ.

Сядутъ въ праздникъ за столъ. Нарѣжетъ Иванъ хлѣба, нальетъ баба щей. Хлѣбъ горькій съ лебедой, щи пустая, молокомъ забѣлены. Хлѣбаютъ Ермиль, а самъ

думаетъ:

— Эхъ, у купца-то теперь щи съ убойной, каша съ масломъ!

Зачали мужики паръ метать, зацвѣла рожь, овесъ выровнялся, въ трубку пошелъ. Дожди перепадаютъ во время, теплынь стоитъ. Сходилъ Иванъ на полосу, поглядѣлъ, заиграло въ немъ сердце.

— Благодать Господь посылаетъ, урожай, — говорить Ермилу.

Молчитъ Ермилъ, крюкъ облаживаетъ. Осерчалъ на него Иванъ.

— Ты, говорить, ровно чужой, Ермилъ. Ты бы поопасался маленько. Весь міръ крещеный радуется, а тебѣ словно и дѣла нѣтъ.

— Экая невидаль! Зиму прокормимся, а тамъ опять зубы на полку. Корысть-то не велика.

— А ты чего захотѣлъ? Не велика корысть. Экое слово сказалъ. Съ жиру-то, малый, люди бѣсятъ. Ты на міру живи не какъ иные прочіе, а какъ люди живутъ.

Ничего Ермилъ не сказалъ на эти слова. Повернулся отъ Ивана, пошелъ подъ навѣсъ, зачалъ косу отбивать.

Видитъ Иванъ — подѣялось что-то съ братомъ. Работаетъ какъ слѣдуетъ, пашетъ, коситъ, а нѣту веселья въ его работѣ. На словахъ незорной, изъ послушанья не выходитъ, а нѣтъ промежъ нихъ прежняго ладу. Не свой человѣкъ Ермилъ въ дому; словно чужакъ воротился онъ отъ купца.

— Надо женить малаго, думаетъ Иванъ.

А у Ермила свои мысли. Присматривается онъ къ мужикамъ и видитъ — большая отъ нихъ пожива денежному человѣку. Видитъ — пристигнетъ мужика нужда, онъ такъ и лѣзетъ въ петлю къ денежному человѣку. Продаетъ дешево, покупаетъ дорого. Видитъ Ермилъ — и кабатчикъ опухаетъ отъ мужика, и свой

братъ міроѣдъ опухаетъ, и купецъ.

— Эхъ, кабы мнѣ деньги, думаетъ Ермилъ, наворочалъ бы я дѣловъ!

Придетъ праздникъ; иные ребята къ дѣвкамъ наровятъ — пѣсни играть, а Ермилъ держитъ въ умѣ другое. Прислонится къ старикамъ и слушаетъ. Почемъ мука на базарѣ, почемъ соль, за сколько мужикъ борова продалъ, все ему нужно. Все примѣчаетъ и раскладываетъ въ мысляхъ. Изъ лица сталъ угрюмый, задумчивый, на людей прямо не смотритъ: опасается, какъ бы мысли его не прочли. А самъ про себя думаетъ:

— Эхъ, кабы мнѣ сотняшку какую раздобыть, натворилъ бы я дѣловъ!

Подошли спажинки. Убрались мужики съ поля, намолотили новой ржи, отдохнули на чистомъ хлѣбѣ. Дѣвки на посидѣлки зачали собираться. Пошли по селу пѣсни. Кабатчикъ цѣлую сорокоушку припасъ къ Покрову.

VII.

— Надо намъ малаго женить, — говоритъ Иванъ своей бабѣ. Согласна и баба: ратницѣ попритчилось: какъ мужъ померъ, словно свѣчка стала таять, — ребятишки все мелюзга, — тяжело ей одной домою править, неспособно. Купили боровка; стали смекать — откуда денегъ добыть на свадьбу. Свезъ Иванъ на базаръ четыре воза ржи, да овса семнадцать четвертей, выручилъ деньги, отдалъ что причиталось оброку, купилъ соли, купилъ рукавицы, купилъ по платку бабамъ, осталось у него пять цѣлковыхъ. Мало на свадьбу. Поговорили они съ бабой и рѣшили такъ: Ермила женить, а Иванъ по близости заложится къ чужому барину, проживетъ у него зиму въ работникахъ. Стали Ермила пытатъ. Зачала Иванова баба вздыхать,

на жизнь на свою роптаться.

— Всѣ мои косточки, говорить, изныли отъ работы. Корову подои, борову замѣси, мужиковъ обряди, ребятъ накорми. Выйдешь въ полѣ вязать, развѣ угоняешься за двумя крюками; невѣстка хвора, какая отъ нее работа. Стадо пригонять — некому скотину встрѣтить. Петровками куцую ярку на силу разыскали, все село, почитай, обѣгала за каторжной.

Молчить Ермилъ — будто и не его дѣло.

Послушаетъ, послушаетъ Иванъ, поведетъ и самъ рѣчь обинякомъ:

— Не способно одной бабѣ, скажетъ, — неуправка.

А Ермилъ объ одномъ думаетъ: — Зачнется теперь у купца ссыпка, пропасть онъ денегъ нагробить. Годъ хорошій, праздники подошли, оброкъ выгоняютъ: мужики такъ и попрутъ на базаръ, такъ валъ-валомъ и повалятъ. Эхъ кабы мнѣ деньги!

Видитъ Иванъ, что у Ермила уши заткнуты, говоритъ ему напрямки:

— Ты бы, Ермилъ, поопасался маленько. Бабѣ не надорваться. Годъ хорошій, надо бы и сватовъ засылать. Есть, что ли, на примѣтѣ? Вотъ Дунька Павликова — куда работающая дѣвка.

Ермилъ потупился въ землю, молчить.

— Чего груши-то околачивать, — говоритъ Иванъ, — ты малый въ порѣ: двадцать третій годъ съ Егорья пойдетъ. Телокъ порядочный. Я, какъ никакъ, проживу зиму въ людяхъ, а ты женись. Небось, всякая пойдетъ. Мы не какіе нибудь. Скотина есть, вотъ борова кормимъ, муки до новизны за глаза хватить.

Тряхнулъ Ермилъ висками, скосилъ глаза и говоритъ:

— Я, говорить, къ купцу пойду.

— За какимъ рожномъ?

— Жить.

Осерчалъ Иванъ и не нашель, что сказать. Плюнулъ, схватилъ шапку, пошелъ сѣлъ на завалинку — сидить, глядитъ на улицу.

Тѣмъ мѣстомъ собралъ Ермилъ свой обрядъ, вздѣлъ сапоги — вытяжки, выломилъ палку, говоритъ Ивану:

— Я пойду. Коли нужны деньги — накажи съ мужиками. Али самъ прїѣдешь.

Взяло Ивана зло. Отвернулся онъ, хоть бы слово Ермилу.

Иванова баба посконь на гумнѣ стлала. Отыскалъ ее Ермилъ, прощай, говоритъ, невѣстка! Увидала она его съ мѣшкомъ да съ палкой, вытаращила глаза, побѣжала къ мужу.

— Аль вы поругались, кричить, куда Ермилъ-то собрался? Что вы, черти, бѣлены, что-ль обѣлись, пропасти на васъ нѣту. Жили, жили все ладно, мирно, а тутъ — на-ко!

— Пускай! — говоритъ Иванъ, — ему хлѣбъ мужицкїй горекъ. Пушай сладкаго попытаетъ. Такъ-то оно лучше.

Однако баба урезонила Ермила: остался онъ на Покровъ. Отгуляли праздникъ, не сталъ Иванъ перечить малому: запрегъ мерина, отвезъ Ермила въ городъ.

VIII.

И пошло все по старому. Съ мужиками Ермилъ грызется, кули зашиваетъ, купцу угождаетъ всячески. Способно ему въ этихъ дѣлахъ. Словно рыба въ водѣ хвостомъ виляетъ.

Видитъ купецъ, ссыпаетъ Ермилъ рожь и отмѣчаетъ вѣсь цифрами.

— Аль, говоритъ, научился?

Ухмыляется Ермилъ.

— Такъ точно, говорить, ваше степенство. Я и слова писать могу.

Посмотрѣль, посмотрѣль купецъ. Набавиль ему два цѣлковыхъ въ мѣсяць.

— Старайся, говорить, труды твои за мной не пропадутъ.

И прожилъ Ермилъ у купца зиму, прожилъ лѣто, осень пришла, сровнялся круглый годъ его житью. Остался онъ на другую зиму. Иванъ перемогся, махнулъ рукой на Ермила, принялъ работника.

И чѣмъ больше живетъ Ермилъ у купца, тѣмъ все больше разгорается.

Спитъ онъ и видитъ, какъ бы ему разбогатѣть. И такъ, и эдакъ ломаетъ голову. — Только бы начать мнѣ, думаетъ, только бы мнѣ сотняшку какую наковырять; а ужъ тамъ я пойду, съ сотней-то я наворочаю дѣловъ. И смотритъ онъ — иные молодцы прихватываютъ у хозяевъ, достаютъ себѣ денегъ на баловство: то лишній расхоть покажутъ, то сбудутъ изъ амбара хлѣбъ на сторону. Сбиваютъ и Ермила на такія дѣла. Ермилъ подумалъ, — не вошелъ въ согласіе съ молодцами. Буду я, думаетъ, съ ними за одно — дѣлиться придется, имъ на баловство деньги нужны, мнѣ — на торговлю. Семь-ка я одинъ попробую... И вошелъ онъ въ большую зависть; приспособилъ челоуѣка, началъ овесъ ему сбывать отъ хозяйскихъ лошадей. Переправилъ мѣшокъ, уллучилъ время, пошелъ за деньгами.

— Какія тебѣ деньги? — говоритъ челоуѣкъ.

— Аль не знаешь какія — за овесъ.

— Ты его сѣялъ, овесъ-то?

— Я хоть не сѣялъ, а деньги подай.

— А въ острогъ хочешь?

Испугался Ермилъ — закался воровать.

Пришла зима, опять его купецъ за кучера

началь сажать съ собой. Ъздыть по базарамъ, по господамъ, нонче тутъ поживуть дня три, завтра — тамъ. Купеческіе обозы день и ночь волокутся въ городъ. Ермилъ изъ силъ выбивается. Встанеть чуть свѣтъ, лошадей напоить, овса засыплеть, отопретъ амбаръ, мѣры изъ внутри кирпичемъ вычистить, вѣсы приладить. Купецъ напьется чаю и пойдетъ по базару; сторгуеть у мужика хлѣбъ, напишетъ мѣломъ на спинѣ цѣну и отошлетъ къ амбару. А тамъ — ужъ Ермилъ знаетъ свое дѣло.

И все бы хорошо, только сосеть червь Ермила, хочется ему разбогатѣть. Думаль онъ сперва, что повѣритъ ему купецъ расчетъ дѣлать, и придумаль такъ: Возму отъ купца деньги, схороню гдѣ нибудь въ потаенномъ мѣстѣ, скажу — обронилъ. — Однако боялся купецъ, что Ермилъ прошибется въ счетѣ, не довѣрялъ ему денегъ.

Думаль Ермилъ съ мужиками какъ нибудь съякшаться — страшно: Начнутъ кули набивать, окажется провѣсъ, засудить его купецъ. Да и мужики неизвѣстные, — какъ на нихъ положиться? Такъ до поры до времени ничего и не удалось Ермилу.

IX.

Вотъ разъ ѣдутъ они дорогой. Небо бѣлое, поле бѣлое, по бокамъ вѣшки натыканы, подрѣза визжать. Скучно сдѣлалось купцу. Запахнулъ онъ шубу, прилегъ на подушку, заснулъ. Глядитъ Ермилъ, видитъ — кругомъ чистое поле. По сугробамъ подземка крутится, облака низкія, пухлявыя, снѣжокъ перепархиваетъ. Купецъ выставилъ брюхо, лежитъ навзничъ, свистить носомъ. Подумаль Ермилъ, и страшно ему сдѣлалось своихъ мыслей. Прыгнулъ онъ изъ саней, пустиль лошадей шагомъ, пошелъ за санями.

И думаетъ: много денегъ съ купцомъ. Ежели взять сотни три или четыре и не хватится пожалуй. А хватится дома, подумаетъ, что прочелся.

Крѣпко спитъ купецъ.

Зябко стало Ермилу. Пустилъ онъ лошадей рысцей — дорога ровная, гладкая, — бѣжитъ слѣдомъ за санями, а сердце такъ и колотится въ немъ, такъ и бьется. Застилаетъ ему жадность глаза. Сверлятъ въ головѣ дурныя мысли. — Такого случая ждать не дождаться, думаетъ, спитъ какъ убитый, и не опомнится какъ выташу деньги. — И сдѣлался Ермилъ изъ лица, угрюмый, злой. Приостановилъ маленько лошадей, вскочилъ въ сани, полѣзъ къ купцу за пазуху.

Очнулся купецъ, глянулъ на Ермила, обомлѣлъ.

— Что ты, говоритъ, песь, затѣялъ.

Не вспомнилъ себя малый. Затряслись у него руки, помутилось въ глазахъ, схватилъ онъ подушку и накинулъ на купца. Брыкнулъ купецъ разъ, брыкнулъ другой, затрепыхался, — задохся. Испугался Ермилъ. Отнялъ подушку, видитъ — глаза у купца кровью налились, жили вспухли, щеки синія, ротъ разинуть — задохся до смерти.

Что тутъ дѣлать? Глянулъ онъ, видитъ — кругомъ чистое поле. Лошади плетутся себѣ шагкомъ, гужи скрипятъ, подрѣза визжатъ, снѣжокъ перепархиваетъ. Все тихо. Полѣзъ Ермилъ къ купцу за пазуху, вытащилъ деньги, отобралъ пачку, которая потолще, отворотилъ лубокъ въ саняхъ, запахнулъ туда пачку, а бумажникъ опять купцу за пазуху положилъ. И погналъ въ городъ.

Х.

Въ городѣ сдѣлалась большая тревога. Призвали Ермила, стали его тягать.

Только видятъ — померъ купецъ ударомъ, денегъ съ нимъ оказалось много — сколько-то тысячъ. Начали было смекать: нѣтъ-ли недостачи какой; бились, бились, записи настоящей у купца нѣтъ, колесо большое; и вышло такъ, что еще лишки оказались въ деньгахъ. Съ тѣмъ и бросили.

И отпустили Ермила.

По веснѣ купчиха собрала долги, продала хлѣбъ, молодцовъ распустила. Порѣшила торговлю. Пришелъ Ермилъ за расчетомъ.

— Ты бы въ кучерахъ у меня оставался, — говоритъ купчиха, — лошадей-то я другихъ заведу, хорошихъ. Въ пролеткѣ будешь меня возить.

— Никакъ не возможно. Братъ серчаетъ, велитъ сходить. У насъ пахота, сѣвъ.

— Да ты ее брось, пахоту-то. Я тобой довольна. Ты малый тямкой. И съ покойникомъ все ѣзжалъ. Оставайся.

Отказался Ермилъ. — Намъ, говоритъ, по крестьянству никакъ не возможно. У насъ земля.

— Ну, какъ знаешь.

Вынула рублевку, дала. — Поминай, говоритъ, покойника. — А сама думаетъ: У другого бы глядишь згинули денежки, а онъ малый съ совѣстью, все въ цѣлости доставилъ. Потомъ подочла, что ему слѣдовало изъ жалованья, отдала и отпустила.

Дождался Ермилъ ночи, слазилъ на сѣноваль, вынулъ изъ потаеннаго мѣста пачку съ деньгами, засунулъ за голенищи, закинулъ мѣшокъ за спину и пошелъ въ село.

И повелъ онъ дѣло свое очень тонко. Деньги схоронилъ. Работалъ по прежнему, отъ брата не отставалъ въ работѣ. И все думалъ: какъ бы ему извернуться, темныя деньги оказать, въ оборотъ ихъ пустить, въ торговлю. И видитъ — растеть у кабатчика

дочь; дѣвка дурная изъ себя, неакуратная, злая, сидить день деньской на крыльцѣ, орѣхи щелкаетъ, а войдетъ въ избу — работницѣ проходу не даетъ, все лается.

У Ермила свои мысли. Ему до этого дѣла нѣтъ, что плохая дѣвка. Повадился онъ ходить мимо кабака. Нонѣ пройдетъ — словечко обронить, завтра — обронить. Дѣвка и не смотритъ на него. Знаетъ, что малый изъ крестьянской семьи, радости мало съ нимъ связываться. У ней въ головѣ женихи полированные, поповичи, писаря.

Видитъ Ермилъ — не берутъ его подходы, улучилъ время, пришелъ въ кабакъ. Кабатчикъ былъ вострый мужикъ, смѣтливый, наметался на своемъ дѣлѣ. Увидалъ Ермила, удивился: Никогда Ермилъ въ кабакъ не захаживалъ. Однако вида не показалъ.

— Чего тебѣ? говорить.

Оглядѣлся малый, видитъ людей въ кабакѣ никого нѣтъ.

— Я къ тебѣ, говоритъ, Петровичъ, за большимъ дѣломъ.

— За какимъ такимъ?

— Отдай за меня Анфису.

Выпучилъ глаза кабатчикъ и говоритъ:

— Ты малый въ умѣ? Поди проспись.

Ермилъ не сробѣлъ. — Ты, говоритъ, поѣзжай въ городъ, собери обо мнѣ слухи. Я всякое дѣло могу по торговой части. Хлѣбъ-ли ссыпать, аль опять купить, али другое что. Я грамотный. Что записать, что сложить на щетахъ — я все могу.

Сидитъ кабатчикъ, перебираетъ по столу пальцами, глядитъ на Ермила, усмѣхается во весь ротъ.

— Толкуй, толкуй, говоритъ, мнѣ такой потѣхи давно не было.

Оглядѣлся Ермилъ по сторонамъ, пригнулся къ кабатчику и шепчетъ:

— А коли у меня деньги. Коли я тебѣ совсѣмъ потрохомъ куплю, если на то пошло.

Кабатчикъ такъ и вскинулся.

— Какъ такъ! Откуда?

Да какъ вспомнилъ, что померъ Ермиловъ хозяинъ въ чистомъ полѣ, какъ вспомнилъ, что большія съ нимъ деньги были, сразу смекнулъ, какія деньги у Ермила. Развелъ въ мысляхъ, видитъ дѣло подходящее. Поглядѣлъ на малаго и малый ему показался.

Подумалъ, подумалъ, — много, говоритъ, денегъ?

— Шестнадцать сотенныхъ.

— А не врешь?

— Поважу, коли не вѣришь.

— Волоки.

— Ну, нѣтъ, это ты оставь. Я штуки-то эти знаю. Коли хочешь — приходи на зарѣ въ огороды. Покажу.

«Тямкой малый, въ ротъ пальца не клади, далеко пойдетъ» — подумалъ кабатчикъ и еще больше ему показался Ермилъ.

XI.

Прокрался на зарѣ кабатчикъ въ огороды, притулился въ канавѣ, лежитъ. Видитъ, идетъ Ермилъ, по сторонамъ озирается какъ волкъ, и руку за пазухой держитъ. Взглянулъ кабатчикъ изъ канавы, машетъ ему и говоритъ сиплымъ голосомъ:

— Принесъ?

А Ермилъ все озирается. Заглянулъ въ канаву, прошелъ по огородамъ, заглянулъ, видитъ — никого нѣтъ.

— Ну, говоритъ, лежи принесу.

— Да ты что-жъ руку-то за пазуху запустилъ?

— Это я такъ. Попытать тебя захотѣлъ. Можетъ ты привелъ кого.

«Ну, думаетъ кабатчикъ, вострый парень. Такимъ только и деньги наживать!»

Принесъ Ермилъ деньги, показалъ — точно шестнадцать сотенныхъ.

Роззѣрился кабатчикъ: засылай, говоритъ, сватовъ.

Только этимъ Ермилъ не обошелся, измыслилъ другую штуку. Поѣхалъ въ городъ, пришелъ къ прежней хозяйкѣ и говоритъ: такъ и такъ — увидалъ нашъ кабатчикъ, что я грамотный, къ торговой части пріобыкъ у вашего степенства, — отдаетъ за меня дочь и зоветъ къ себѣ въ зятя. Кабатчикъ богатый, да больно дѣвка изъ себя дурна.

И просить у купчихи совѣта: ни-то итти ему въ зятя, ни-то нѣтъ.

— Какъ вы наши хозяева, говоритъ, на васъ одна надежда. Народъ мы темный, деревянный. Вамъ виднѣе въ этихъ дѣлахъ.

Купчихѣ какъ масломъ по сердцу такія слова. Насупилась она, стала разводить мыслями и говоритъ.

— Богатый ейный отецъ-то, говоришь?

— Зажиточный. Надо полагать не одна тысяча въ карманѣ.

— И дѣвка, говоришь, одна?

— Одна, какъ перстъ.

— А изъ себя дурна?

Ермилъ только головой покрутилъ. Подумала купчиха и разсудила:

— Ну, чтожъ говоритъ, Ермилушко: съ лица не воду пить, а отъ своего счастья убѣгать не слѣдуетъ. Мой совѣтъ — итти тебѣ въ зятя.

Вынула изъ сундука старую шаль, дала ему: невѣстѣ, говоритъ, подари. Бухнулся ей въ ноги

Ермилъ, справилъ что нужно въ городѣ, поѣхалъ въ село. Ѣдетъ да думаетъ: — замель я теперь слѣды.

И точно замель. Кабатчикъ, не проживя года, померъ.

ХII.

Тѣмъ временемъ объявилась народу воля. Вышелъ Ермилъ въ купцы, снялъ у своего прежняго барина мельницу, большими дѣлами началъ ворочать.

Жизнь его словно колесо покатилося. Тамъ купить, тамъ продать. Купить дешево, продать дорого. И только объ одномъ думаетъ, какъ бы ему еще больше разжиться. Справилъ себѣ телѣжку, завелъ быструю лошадь, летаетъ изъ села въ село.

— Ты себѣ, Ермилъ Иванычъ, и покою не знаешь, говорятъ ему люди.

— Волка ноги кормятъ, говорятъ.

И точно схожъ сталъ Ермилъ на волка. Волкъ носомъ падалъ чуетъ, а Ермилъ нужду людскую чуетъ носомъ. Гдѣ ни объявится нужда, ужъ онъ тамъ. Продають мужицкую скотину за недоимки — Ермилъ первый пріѣдетъ на торги и все за полцѣны закупить. Сгорить деревня — Ермилъ тутъ какъ тутъ: открыть его карманъ для мужиковъ: станови избы, справляй подушное! А придетъ дѣло къ расчету, Ермилъ, что твой огонь, оберетъ деревню. Придетъ чума, падаетъ у мужиковъ скотина, глядятъ — ужъ Ермилъ, какъ снѣгъ на голову: тому корову всучить, тому телку, а придетъ дѣло къ расчету — пуще чумы окажетъ себя Ермилъ.

Закаменѣло въ немъ сердце. Не было передъ нимъ того горя, чтобы онъ содрогнулся въ своемъ сердцѣ. Не было въ немъ жалости. Цѣлковый ему попадается, онъ цѣлковый глотаетъ, грошъ сиротскій встрѣтится — онъ и грошемъ не брезгаетъ. На весь

околодокъ распустилъ паутину.

Бьются мужики въ этой паутинѣ словно мухи. Плачется бѣдность на Ермила, клянеть его за углами, — а пристигнеть нужда — кланяется Ермилу, по батюшкѣ его величаетъ, шапки передъ нимъ ломаетъ.

И не отъ одной людской бѣдности разживался Ермилъ. Разживался онъ и отъ неправды людской, и отъ слабости, и отъ темноты. Обокрадутъ гдѣ амбаръ, привезутъ къ нему ночью ворованное на мельницу, онъ не разбираетъ откуда, лишь бы сходно. Стали къ тому времени кабаки вольные, зачалъ народъ пить шибко. Ермилъ кабаковъ завелъ цѣлый десятокъ. Въ роспискахъ неустойки проставляетъ, прижимаетъ неграмотныхъ мужиковъ, тягаетъ ихъ по судамъ.

И такими дѣлами скоро онъ разжился такъ, что и счетъ потерялъ бы своимъ деньгамъ, еслибы не помогала ему грамота. Мельницу въ вѣчность купилъ, лабазы понастроилъ.

Ѣдетъ, иной разъ, дорогою, говоритъ самъ на себя: — Умственный ты человѣкъ Ермилъ Иванычъ! Валить тебѣ счастье. Переѣдешь ты, маленько годя, въ городъ, заведешь знать съ купцами. Большой тебѣ будетъ почетъ отъ людей.

И люди много по своей простотѣ прощали Ермилу за его богомольность. Службы церковной онъ не пропускалъ; свѣчки ставилъ толстыя, по четвертаку; на тарелку клалъ, когда полтину, а когда и больше.

ХІІІ.

Видитъ Ермилъ — колесо у него большое, дѣла широкія. Нельзя ему стало изъ дома отлучаться. Во всякій день волокутся на мельницу обозы; толчея гремитъ — пшено толкетъ, надо въ ступы краски подбавить, чтобъ товаръ лицомъ выходилъ; кружатся

жернова, рожь перемалываютъ: надо слѣдить, кому какая мука нужна — мужикамъ похруще, въ Москву помягче; въ свинятникахъ свиньи чавкаютъ, въ сараяхъ быки стоятъ, къ колодамъ привязаны, на прудѣ въ огорожѣ гуси гогочутъ, утки квачутъ. Все надо въ сало вогнать, все надо откормить на убой, порѣзать, побить, ощипать, опалить, въ туши убрать. За всѣмъ нуженъ хозяйскій глазъ.

Руки у Ермила долгія, глаза зоркіе — сѣлъ онъ самъ на мельницѣ, распустилъ по округѣ молодцовъ. И гдѣ прежде не управиться было Ермилу, все теперь зацѣпилось въ одинъ неводъ. Мужики ровно караси затрепыхались въ Ермиловыхъ сѣтяхъ.

И все было бы хорошо, только не было дѣтей у Ермила. Анфиса совсѣмъ опухла отъ сладкой жизни, колода-колодой сдѣлалась.

Въ домѣ у ней непорядки, вездѣ грязь, нечисть, работницы не уживаются; сначала, какъ не доходили Ермиловы глаза, — все ему было ничего.

Покричитъ иной разъ на жену, дастъ ей тумака и скроется опять по своимъ дѣламъ. Но какъ осѣлъ на мѣстѣ, видитъ — изъ рукъ вонъ плохая баба Анфиса. Взяло его зло. Принялся онъ ее бить. Изъ синяковъ не выходитъ баба.

Сдѣлалось горько Анфисѣ. Умомъ она была слабовата. Слова хорошаго отъ роду не слыхала ни отъ кого. Отецъ только о томъ и думалъ, какъ бы денегъ побольше нахапать. Какъ жива была мать — только и наговорила, что сытно съѣсть да сладко выпить. Такъ Анфиса и понимала объ жизни. Мужикъ, думаетъ, пусть себѣ деньги добываетъ, а я баба — буду съ нимъ спать, дѣтей рожать, сытно ѣсть, сладко пить, обряжаться.

И какъ началъ бить ее Ермилъ, подумала, подумала она, — принялась тайкомъ отъ него водку пить. Напьется, разсолодѣтъ въ тѣлѣ, заляжетъ

ничкомъ въ пуховики, — хотъ убей ее Ермиль, ей все равно, ей пьяной — море по колѣно. Плюнетъ Ермиль, потемнѣетъ со зла, а сдѣлать ничего не можетъ.

Однако на пятомъ году родился у нихъ сынъ, а послѣ перваго родился еще сынъ. Ермиль поднялся духомъ. Если и прежде былъ онъ жаденъ, то какъ родились дѣти, совсѣмъ остервенился. Ему дѣла нѣтъ, что и у людей есть дѣти. Онъ только о томъ и думаетъ — у людей урвать, а своимъ дѣтямъ барское житье изготовить. Поставлю, думаетъ. ребятъ на ноги, въ господа ихъ выведу. Пусть люди глядятъ, каковы у Ермила сыновья.

XIV.

Тѣмъ мѣстомъ подошли плохія времена. Недородъ за недородомъ, мужики отошали, скотина начала выводиться, господа пораззорились, купцы стали барскія земли скупать. И всякій купецъ, какъ сядетъ на землю, такъ и наровить свой кругъ завести. Тѣсно стало Ермилу, мало показалось ему наживы при новыхъ порядкахъ. Раза два случилось — такъ даже подставили ему ногу купцы, понесъ онъ большой убытокъ. Нѣтъ, думаетъ, не гоже дѣло; надо отъ огня подалше. Навернулся на его счастье покупатель, продалъ онъ мельницу, переправилъ въ Москву товаръ, выручилъ деньги и сѣхалъ въ городъ. И оказалось у него денегъ пятьдесятъ тысячъ.

И какъ переѣзжать Ермилу въ городъ, пришелъ къ нему братъ Иванъ. Зипунишка на немъ рваный, лыкомъ подпоясанъ, лаптишки худые, изъ лица испитой, виски сѣдастые.

— Что-жъ, говоритъ, братъ Ермиль, ты бы поопасался маленько. Посѣтилъ меня Господь. Коровушка пала, лошаденку свели, старшаго сына въ

солдаты отдали, землю твою душевую старики по злобѣ на тебя отняли. Не то что подушное платить, и кормиться стало нечѣмъ. Сколько годовъ я къ тебѣ и на глаза не показывался. Вотъ пришелъ. Помоги ради Христа, вызволи изъ бѣды.

Сидитъ Ермилъ, лавка подъ нимъ сукномъ обита, изъ себя — щекастый, румяный, на шеѣ цѣпь золотая, жилетка бархатная, сапоги лощенные, хотъ глядись въ нихъ.

— У меня, говоритъ, у самого дѣти. Мнѣ ихъ надо произвести. Ты бы работалъ побольше, анъ глядишь, и не пришлось бы христорадничать. Ты отлынивай больше отъ работы-то!

Повернулся Иванъ, отеръ слезы, пошелъ домой скрѣпя сердце.

— Богъ тебѣ, говоритъ, судья, Ермилъ Иванычъ.

Думалъ Ермилъ воротить брата, да загордился — не поднялся съ лавки.

— Ишь, говоритъ, выискался какой. Словно за своимъ пришелъ. Небось не отвалилась бы голова въ ноги-то поклониться.

Переѣхалъ Ермилъ въ городъ. Купилъ домъ. Хотѣлъ было хлѣбную ссыпку заводить, да видитъ плохая стоитъ торговля. И думаетъ — что бы съ деньгами своими сдѣлать. Посовѣтывался кой съ кѣмъ изъ купцовъ, присмотрѣлся, видитъ — сговорились большіе люди, собираютъ къ себѣ со всѣхъ концовъ деньги, раздають эти деньги купцамъ для оборота. И кто отдаеть этимъ людямъ деньги на руки, пусть сидитъ сложа руки: поплыветъ къ нему барышъ безъ всякихъ хлопотъ. И зовется этотъ барышъ процентомъ, а люди, которые всѣмъ дѣломъ ворочаютъ, составляютъ изъ себя *банкъ*. И такихъ банковъ на всю Россію много пооткрывали купцы.

И думаетъ Ермилъ — въ какой ему банкъ деньги

свои вложить. Смекнулъ, видитъ — самое подходящее дѣло вложить деньги въ такой банкъ, который больше всѣхъ даетъ барыша. И опять таки не сразу вложилъ, а разспросилъ какъ лучше.

— Чего-жь тебѣ, говорятъ Ермилу купцы, воротила въ этомъ банкѣ — первостатейный купецъ, человѣкъ почтенный.

Взялъ и вложилъ Ермилъ свои деньги въ этотъ банкъ.

И исполнилось его желаніе. Сталъ Ермилъ жить — время проводить точно такъ, какъ жилъ — время проводилъ богатый купецъ, его учитель; перенялъ Ермилъ всѣ его привычки въ ѣдѣ, и въ спаньѣ и въ гуляньѣ: утромъ встанетъ, умоется, вздѣнетъ лисью шубу и пойдетъ къ обѣднѣ. Обѣдню отстоитъ, воротится, — самоваръ у него на столѣ, пироги пшеничные, лепешки сдобныя. Наѣстся Ермилъ, напьется, отвалится отъ ѣды и пойдетъ въ ряды на прогулку. Соберутся купцы въ рядахъ, учнутъ шутки шутить, зазовутъ для потѣхи дурака какого нибудь, заставятъ его пѣсни играть, плясать, надрываются со смѣха. Не то въ трактиръ пойдутъ чай пить, машину слушать, о торговыхъ дѣлахъ толкуютъ. Придетъ Ермилъ домой, а ужъ на столѣ и жареное, и вареное. И гусятина каждый день, и щи съ убоиной, и каша съ масломъ, и водка, и квасъ. Послѣ обѣда ляжетъ Ермилъ на пуховики — спитъ вплоть до вечерни. Выспится, напьется квасу, за ворота выйдетъ, примется орѣхи щелкать. И кто мимо ни пройдетъ — поклонъ ему отдаетъ.

Зажирѣлъ Ермилъ отъ такой жизни. Брюхо отпустилъ толстое; тѣло у него стало рыхлое, дряблое, щеки отвисли, глаза — какъ у мерзлаго судака. Сходитъ къ обѣднѣ — упарится весь, придетъ словно изъ бани.

Пожилъ онъ такъ-то годика два и пристала къ нему скука. Бывало спитъ, спитъ, очнется, сядетъ на

кровати: глаза такъ и застилаеть отъ сна. Велить работницѣ квасу подать. Выпьеть квасу, опять нечего дѣлать. Поболтаеть, поболтаеть ногами, зѣвнетъ разъ десять, слѣзеть съ кровати, пройдетя по горницѣ, посмотреть — некуда ему дѣваться.

Разомнется, пойдетъ въ ряды. Поглядить, поглядить — все по вчерашнему въ рядахъ. Тошно ему станеть. Воротится, велить жеребца заложить, посадить Анфису, поѣдетъ на прогулку. Сидить Анфиса какъ бревно, одежда на ней дорогая, въ ухахъ золотыя серьги — а рожа пьяная, умнаго слова не проронить. Подумаетъ Ермилъ, глянетъ искоса на жену и того ему сдѣлается скучнѣе.

— Ослабъ ты, Ермилъ Ивановъ, говоритъ на себя, обмякъ. — И думаетъ: дайко я старину вспомяну. Выбралъ часъ, пошелъ къ себѣ въ садъ, взялъ косу у садовника, попытался косить. Упыхался — и ряда не прошелъ, бросилъ. — Нѣтъ, говоритъ, не купецкое это дѣло. — А самъ подошелъ къ забору, глядитъ въ щелку; не смотритъ ли кто.

XV.

Спитъ, ѣсть Ермилъ, — поѣсть, опять ляжетъ спать. Проснется — не знаетъ куда дѣвать себя. Скучаетъ. Только объ одномъ и думаетъ, чѣмъ бы забавить себя.

И пустился въ дурныя дѣла. Забылъ законъ, забылъ, что дѣти ужъ не маленькія — Анфису бьетъ, возжается съ чужими женами. Началъ виномъ зашибаться.

А тѣмъ временемъ случилось вотъ что. Померъ у одной бѣдной вдовы сынъ отъ горловой болѣзни, и она по великой своей бѣдности понесла продавать его одежду. Любила вдова своего мальчика, обряжала изъ

послѣднихъ и справила передъ тѣмъ какъ ему помереть куртышку плисовую и плисовыя порточки. Увидалъ Ермилъ вдову, раззарился на одежду. — Семъ-ка, думаетъ, я Ваську своего обряжу. Позвалъ ее, пощупалъ плись, видитъ добротный товаръ, совсѣмъ еще новый. Однако не показалъ виду, что льститися на одежду.

— Сколько, говорить, тебѣ за рухлядь-то за эту?

— Какая же рухлядь, Ермилъ Иванычъ, одежда новая. Только исправила, какъ помереть ему сердечному. Одного плиса на четыре рубля погнала. Если бы не нужда, и не подумала бы продавать. Нужда-то моя горькая.

— Разсказывай. Развѣ по нуждѣ справляютъ такую одежду. Небось бы и въ посконной походилъ твой малый. Всякая голь транжиритъ деньги, а тамъ и пойдетъ канючить по добрымъ людямъ. Ну, да что съ тобой толковать — хошь полтинникъ — бери, не хошь — пробирайся. Мнѣ съ тобой толковать нѣкогда.

Подумала, подумала вдова: ходитъ она съ одеждой съ самаго утра, придетъ домой и поѣсть нечего — утерла слезы — отдала Ермилу одежду. Бросилъ ей Ермилъ полтинникъ, позвалъ Ваську, велѣлъ вздѣть куртышку

Не прошло недѣли, заболѣлъ Васька горломъ — померъ.

XVI.

Остался у Ермила одинъ сынъ Ванька. Отдалъ онъ его въ ученье — не пошло въ прокъ ученье малому. Мать пьяная, отецъ — худыми дѣлами занимается; смотрѣлъ, смотрѣлъ малый — вотъ, думаетъ, буду неволить себя! денегъ у отца много, небось и безъ ученья проживу; отецъ малограмотный и то капиталъ нажилъ, а мнѣ на готовомъ и вовсе нечего неволиться, на мой вѣкъ

хватить. Подрось малый, подобралъ себѣ друзей, примѣтилъ мѣсто, гдѣ отецъ деньги хоронитъ, — таскаетъ по мелочи на баловство себѣ. Видитъ Ермилъ — балуется малый, шляется по трактирамъ, заводитъ скандалы, взялъ — потрепалъ его за виски. Озлился Ванька — еще пуще загулялъ.

Разъ сидитъ Ермилъ въ трактирѣ. Стали вѣдомости читать, и читаютъ — лопнулъ тотъ банкъ, въ которомъ Ермиловы деньги были вложены: запутался главный воротила въ дѣлахъ, размоталъ чужія деньги. Услыхалъ Ермилъ — не повѣрилъ купцамъ, взялъ въ руки вѣдомости, посмотрѣлъ — позеленѣлъ весь съ испуга. Сѣлъ на чугунку, поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ банкъ былъ. Справился, потолкался къ тому, къ другому — воротила въ острогѣ сидитъ, подручные его разбѣжались, денегъ нѣтъ. Заскрипѣлъ Ермилъ зубами. Пришелъ на постоянный дворъ, схватился, за виски, хлопнулся ђ-земь, заревѣлъ въ голосъ. Воротился домой, какъ пьяный шатается.

Дома — сынъ балованный, жена ополоумѣла отъ водки, и потужить Ермилу не съ кѣмъ. Поплелся онъ въ ряды, видитъ — богатые купцы сторонятся, другимъ и вовсе не до него: у самихъ пропали денежки за банкомъ. Горько стало Ермилу. Дай, говорить, пойду къ купцу Склядневу; былъ я въ силѣ — купецъ Скляднень первый мнѣ другъ былъ.

Подходитъ, видитъ, сидитъ купецъ Скляднень за воротами, выставилъ брюхо, грѣетъ на солнышкѣ. Примѣтилъ Ермила, хотѣлъ въ горницы скрыться, да не успѣлъ. Подошелъ Ермилъ, снялъ шапку, поклонился купцу Склядневу. Тотъ еле до козырька дотронулся.

— Вотъ, Оалалѣй Ивановичъ, — говоритъ Ермилъ, — бѣда стряслась. Посовѣтоваться къ тебѣ пришелъ.

Почесалъ брюхо купецъ Скляднень, зѣвнулъ.

— Мнѣ бы теперь недосугъ толковать-то съ тобой, говоритъ, а самъ думаетъ: не попросилъ бы денегъ взаймы.

Обидны показались Ермилу эти слова, да нечего дѣлать, — стерпѣлъ.

— Какъ мнѣ быть? Что мнѣ, говоритъ, дѣлать?

— Дѣлай, что дураки дѣлаютъ. Дуракамъ законъ не писанъ. Не льстился бы на большой процентъ — не плакали бы твои денежки. Жаденъ ты больно.

— Отъ барыша-то и ты, Өалалѣй Иваннычъ, не откажешься. И въ тебѣ жадности-то довольноно.

— Прямой ты дуракъ и вышел. Я-то вотъ какой ни на есть, да богатъ, а ты — голь перекатная выходишь. Я, какія были залишнія деньги въ казенный банкъ вложилъ: хоть меньше барыша, да тверже. А ты польстился, — вотъ и плачешься теперь на свою глупость.

— Научи, что мнѣ дѣлать-то. Присовѣтуй.

— А ужъ это ты смекай. Голова всякому дадена.

Помолчалъ, помолчалъ Ермилъ, поднялся и говоритъ:

— Ну, видно, прощай, Өалалѣй Иваннычъ, не чаялъ я отъ такихъ словъ.

— Не взыщи. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Понурился Ермилъ, побрелъ домой. Выскочили собаки купца Скляднева — принялись брехать на Ермила. Купецъ Скляднень и собакъ не отогналъ.

XVII.

Ходить, ходить Ермилъ по горницамъ, думаетъ, думаетъ. Ляжетъ спать — не дается ему сонъ. Ночи долгія, подушка подъ головой горячая — никакъ не найдетъ себѣ покоя. Лежитъ подъ бокомъ Анфиса, свиститъ носомъ и горя ей мало. Ванька, чуть дождется ночи, перелѣзетъ черезъ заборъ, поминай его какъ

звали. Пусто въ горницахъ. Передъ божницей лампадка свѣтится, смотритъ Спасовъ ликъ съ образа.

И представляется Ермилу — смотритъ Спасъ къ нему въ душу. Обернется Ермилъ къ стѣнкѣ лицомъ, натащитъ на себя одѣяло, лежитъ, молчитъ. Нѣтъ ему сна. Эхъ, думаетъ, и потужить мнѣ не съ кѣмъ. И вспомнилъ, какъ живаль въ мужикахъ. Случится съ кѣмъ бѣда — не отступаются мужики, не сторонятся, какъ отъ чумнаго; работой иной не подсобить — на словахъ пожалѣть: все легче станетъ на душѣ отъ добраго слова. Не даромъ молвится: на міру и смерть красна. Эхъ, думаетъ Ермилъ, худые люди въ городахъ живутъ: богатъ ты — почетъ тебѣ всякій; обѣдняль — и вниманья своего не обращаютъ на человѣка. Видно не по пусту сказано въ городской пѣснѣ: всѣ друзья-пріятели до чернаго лишь дня. Нѣтъ въ городѣ правды. Да вспомнилъ, какъ жилъ, какъ народъ обижаль, какъ брата Ивана опечалилъ — и того скучнѣй ему сдѣлается. Раздѣнетъ одѣяло, посмотритъ — въ горницахъ пусто, передъ божницей лампадка свѣтится, и глядитъ на него Христось, строго, пасмурно. Сядетъ Ермилъ на кровать, схватится за виски, обливается горькими слезами.

Худо одно не ходитъ. Пока Ермилъ о пропажѣ своей убивался, пока раскладывалъ въ мысляхъ, какъ бы ему изъ бѣды извернуться, да обдумывалъ свою жизнь — расшибъ параличъ Анфису. Сидѣлъ Ермилъ въ саду, прибѣжали, сказали ему. Схватился онъ съ мѣста побѣжалъ въ горницы, увидалъ Анфису — весь затрясся. Не Анфисы ему стало жалко — вспомнилъ онъ, какъ хозяина своего удавилъ. Точь въ точь Анфиса такая съ виду. Запрокинулась навзничъ, глаза кровью налились, жилы вспухли щеки синія, ротъ перекоксился. Обомлѣлъ Ермилъ, сѣлъ къ сторонкѣ и подняться не можетъ: ноги подламываются.

Схоронили Анфису, остался Ермилъ съ сыномъ

своимъ Ванькой.

Продаль домъ, переѣхаль на квартиру. Попытался торговлю завести, ссыпаль вагонъ ржи у мужиковъ. Видить — трудно ему, ослабъ, отвыкъ отъ дѣла. Посмотрѣль на Ваньку — плохой онъ ему помощникъ. Да и мысли не даютъ покоя. Взяль, продаль сыпанную рожь, собралъ деньги, схоронилъ въ сундукъ. Много, думаетъ, грѣха нажито на вѣку, буду проживать помаленьку, буду спасаться.

Ходить Ермилъ къ обѣднѣ, ходить къ заутрени, ходить къ вечерни, всѣ колѣнки себѣ намозолилъ отъ поклоновъ. Началь поститься, по одной просвиркѣ на день ѣсть, — чай да просвирку только и пищи принимаетъ.

Разъ лежитъ онъ въ постели — въ горницѣ пусто, передъ божницей лампадка свѣтитъ, и грызетъ его тоска. Представляется ему — ѣдутъ они съ хозяиномъ дорогой: поле бѣлое, небо бѣлое, по сторонамъ вѣшки понатыканы, подрѣза визжать. Не можетъ лежать Ермилъ, сѣлъ на кровать — разрывается въ немъ сердце. И взмолился онъ Богу: Господи, говорить, сколько я поклоновъ отбилъ, сколько денегъ по церквамъ роздалъ, сколько свѣчей поставилъ, сколько обѣденъ отстоялъ! Отпусти ты мои грѣхи! Пошли мнѣ сонъ спокойный! — Сталь передъ образомъ, зачалъ поклоны класть. Положилъ поклоны, измаялся, прилегъ на кровать, задремаль.

И слышитъ сквозь сонъ — зашуршало подлѣ головы. Хотѣль глаза продрать, мигнулъ, опять задремаль. И слышитъ сквозь сонъ — звякнуло, хлопнуло въ горницѣ, затихло... Хотѣль проглянуть, одолѣла дрема, опять заснулъ. И, вдругъ, слышитъ — крадется чья-то рука. Вскинулся Ермилъ, глянулъ: стоитъ передъ нимъ Ванька въ однихъ чулкахъ, руку подъ подушку засунулъ. Содрогнулся Ермилъ.

— Что ты говорить, песь, затѣяль?

Шарахнулся Ванька изъ горницы, скрылся. Вскочилъ Ермилъ съ постели, сунулся подъ подушку, лежать ключи отъ сундука.

Вздулъ свѣтъ, отомкнулъ сундукъ, взглянулъ — такъ и ахнулъ. Денегъ нѣтъ, одна только завертка валяется.

Хотѣлъ Ермилъ бѣжать — ноги не слушаются; хотѣлъ кричать — глотку перехватило, голосу нѣтъ. Такъ босой и просидѣлъ подлѣ сундука вплоть до зари.

На утро поглядѣли люди на Ермила — былъ мужикъ черный какъ жукъ, а теперь посѣдѣлъ и узнать нельзя. Въ одну сталъ сѣдой.

Ванька изъ города сбѣжалъ, а маленько спустя дошли до Ермила слухи — словили Ваньку на худыхъ дѣлахъ, сослали въ Сибирь.

Взмолился Ермилъ къ Богу: Господи! пошли ты смерть по мою душу.

Не послалъ ему Богъ смерти.

XVIII.

Узналъ Иванъ — стряслась бѣда съ братомъ Ермиломъ. Вздѣлъ зипунъ, взялъ посошекъ въ руки, засунулъ ломоть хлѣба за пазуху, пошелъ въ городъ, розыскалъ Ермила. Видитъ — сидитъ на лавкѣ старикъ, сгорбился, весь въ морщинахъ. Прослезился Иванъ.

— Здравствуй, говорить, братъ Ермилъ. Все-ли здорово.

Вскинулся Ермилъ, ахнулъ, освѣтлѣлъ изъ лица, руки ноги дрожатъ отъ радости. Сѣли, стали толковать. Видитъ Иванъ — и на челоуѣка сталъ непохожъ братъ Ермилъ. Голосъ обрывается, по бородѣ слезы текутъ. Совсѣмъ расслабленный.

— Ты бы, говорить, Ермилъ, поопасался

маленько. Убиваться грѣхъ.

Потупился Ермилъ въ землю, плачетъ.

Поглядѣлъ поглядѣлъ Иванъ, застилаетъ ему глаза отъ жалости. Отвернулся, утеръ полой сопли, крякнулъ и говоритъ:

— Нечего тутъ толковать. Собирайся. Небось душевая-то твоя земля цѣла. Не съѣли ее. Ну-ка.

Послушался Ермилъ брата. Распродалъ свою худобу, выручилъ сотенный билетъ, половину въ церковь отдалъ, — другую половину брату Ивану, взялъ котомку за плечи, пошелъ съ братомъ въ село.

Ивановы дѣла поисправились. Племянника въ зятя отпустилъ, дѣвокъ выдалъ, сына женилъ, народились внучата, поставилъ онъ другую избу, — кишитъ у него народъ; жить бы ничего, да земли маловато. Родились ребята послѣ ревизіи, не полагалось на нихъ земли. Взялся Иванъ хлопотать, выставилъ старикамъ водки, выпоилъ красненькую, справились — не выписанъ Ермилъ изъ крестьянства, — отдали ему землю. Попытался Ермилъ за сохой походить — разломило поясицу, на силу до двора доволокъся.

И поселился онъ въ клѣти. Подсобляетъ бабамъ по хозяйству: когда рѣзки замѣситъ, когда помои вытащить, когда за водой сходить. На улицу глазъ не показываетъ.

Выходилъ онъ сначала на улицу — загаяли его ребятишки. Какъ увидятъ и ну кричатъ: — купецъ! купецъ! купи у насъ возгрей на разживу!

Пройдетъ мимо Ермила баба, вспомнить Ермиловы обиды, не стерпитъ, сорветъ сердце.

— Что, скажетъ, не сытая душа, повадилсъ? Заткнули тебѣ пасть?

И не сталъ Ермилъ показываться въ народъ.

Сперва, какъ пришелъ въ село, облегчилась его душа. Поживу, думаетъ на міру, отдохну отъ своихъ

мыслей. Выйдетъ въ поле — всякая былиночка его радуеть. Глянетъ на луговинку — вонъ скажетъ, въ ночное мы лошадей гоняли на луговинку. Радъ, что вспомнилъ. Встрѣтится ракита у поворотка и ракиту вспомнить.

XIX.

Однако пришло время и воротились къ Ермилу муки. Встала осень. Ночи пошли долгія, темныя. Ляжетъ Ермилъ спать — бѣжить отъ него сонъ. Прислушается — все тихо. Въ хлѣву корова хруститъ. Въ катухѣ боровъ съ просонья о колоду чешется. На селѣ собака брешеть. Побрешеть, побрешеть, выть примется. Пѣтухи закричатъ. Перевернется Ермилъ другимъ бокомъ и на другомъ боку не спится.

Представляется ему прежняя жизнь. Того по міру пустилъ, другого обсчиталъ, третьяго обвѣсилъ, четвертаго по судамъ затыгалъ.

Скучно Ермилу. Отгонитъ однѣ мысли — другія пойдутъ на смѣну.

Представится ему — обить голубымъ глазомъ гробъ, лежитъ въ гробу сынъ Васька, носикъ заострился, изъ лица синій, на лбу вѣнчикъ пристроенъ, обряженъ въ плисовую куртышку и въ порточки. Дьячекъ стоитъ, псалтырь читаетъ. Зажметъ уши Ермилъ, уткнется лицомъ въ изголовье. Не знаетъ, куда дѣваться съ тоски. Вскочитъ съ постели, примется поклоны класть. Измается отъ поклоновъ, ляжетъ, задремлетъ.

И только спутаются въ немъ мысли, вдругъ услышитъ сквозь сонъ — крадется чья-то рука къ изголовью. Содрогнется, вскочитъ. Все тихо. Темно въ клѣти, прохладно. На колокольнѣ часы бьютъ. Гудитъ колоколь, ровно голосить.

Заснетъ Ермилъ. И мерещится ему сонъ. Кругомъ чистое поле. Лошади плетутся себѣ шагкомъ, гужи скрыпять, подрѣза визжать, снѣжокъ перепархиваетъ. Лежитъ навзничъ мертвое тѣло; ротъ разинуть, жилы вспухли, глаза кровью налились. Смотритъ Ермилъ во снѣ, видитъ — перекопился мертвецъ, приподнялся. — Что ты, говоритъ, песъ, затѣялъ? — Ахнетъ Ермилъ, закричитъ въ голосъ, выскочитъ изъ клѣти, трясется весь съ испуга.

Бывало и такъ: разбудить людей своимъ голосомъ.

И пошли по селу слухи: душитъ-де Ермила домовою по ночамъ. Видитъ Иванъ — плохо приходитъ брату Ермилу. Запечалился. Все думаетъ, какъ бы ему утѣшить Ермила.

Разъ повѣстили Ивану на сходку. Сыскалъ Иванъ Ермила и говорить:

— Ну-ка вздѣвай кафтанъ, пойдѣмъ на сходку. Нечего толковать-то. За тобой, вѣдь, тоже душа.

XX.

Не послушался Ермилъ брата Ивана, вздѣлъ кафтанъ, взялъ посошекъ въ руки, пошелъ. Подошли къ мужикамъ, снялъ Ермилъ шапку, поклонился, притулился за спины, стоитъ, сгорбился.

Погалдѣла сходка о своихъ дѣлахъ, — слышитъ Ермилъ: заговорили мужики о землѣ. Своей земли стало въ обрѣзъ, кругомъ стѣснили купцы — взогнали цѣны и не выговоришь сразу. И толкуютъ мужики — вотъ рядомъ барскую землю держитъ купецъ; земли много, угоды хорошія, купцу срокъ черезъ полгода, хорошо бы снять эту землю міромъ. Хорошо, да трудно. Баринъ живетъ неизвѣстно гдѣ — одна бѣда.

Другая бѣда — купецъ барину деньги впередъ

выплатить, а у мужиковъ такихъ денегъ нѣту Третья бѣда — некуда сунуться мужикамъ съ своей темнотой, дѣло тонкое, хитрое. И близокъ кусъ, да не укусишь. Прислушался Ермилъ и вспомнилъ. Купилъ онъ разъ у этого самого барина просо въ разсрочку и высылалъ ему деньги въ Питеръ. Вспомнилъ, хотѣлъ вызваться, хотѣлъ сказать мужикамъ да не хватило духу, сробѣлъ. Такъ всю сходку простоялъ, промолчалъ. Воротились съ сходки, пошелъ Ермилъ въ клѣтъ, полѣзъ въ котомку, досталъ старую записку, видитъ — означено тамъ, гдѣ живетъ баринъ, на какой улицѣ, какой домъ. Все записано. Сказалъ брату Ивану. Узнали мужики, сбили сходку. Пошелъ и Ермилъ на сходку. Объявилъ гдѣ баринъ живетъ, и опять притулился за спины. И говорятъ старики: пошлемте Ермила ходокомъ. Мужикъ онъ грамотный, смысленный, потрудится для міра. И поднялась тутъ галда. Кто кричитъ — обвѣсилъ его Ермилъ, кто кричитъ — судомъ деньги двойная взыскалъ съ него Ермилъ, кто кричитъ — пошли Ермила ходокомъ, онъ и миръ-то продастъ, не задумается. Потупился Ермилъ въ землю, ни слова не говоритъ мужикамъ; послушалъ, послушалъ, отвернулся къ сторонкѣ, заковылялъ ко двору, какъ оплеванный. Идетъ и говоритъ на себя: — что, Ермилъ Иванычъ, отливаются волку овечьи слезы!

Видятъ мужики, ушелъ Ермилъ со сходки — сдѣлались тише. Вступился за Ермила братъ Иванъ.

— Вы бы, говоритъ, старички, поопасались маленько. Ермила Богъ убилъ, намъ его добивать не приходится. Грѣшенъ человекъ, что и говорить, да, вѣдь, безъ грѣха-то, старички, одинъ Богъ.

Потолковали мужики — согласились Ермила ходокомъ послать. Заказали по селу слуховъ не распускать — храни Богъ дознается купецъ: перебьетъ землю, — собрали четвертную денегъ, отпустили Ермила

въ Питеръ.

XXI.

Обрадовался Ермиль послужить міру. Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на чугункѣ, дотянулъ до Питера, сыскалъ барина. Грамотному вездѣ способно.

Баринъ былъ памятный. Вспомнилъ, какъ просо продавалъ, узналъ Ермила.

— Что, говоритъ, скажешь, Ермиль Иванычъ? Да глядитъ на него, видитъ — измѣнился челоуѣкъ: изъ себя сѣдой, весь въ морщинахъ, обряженъ по мужицки. Удивился баринъ. — Что-то, говоритъ, приключилось съ тобой такое? Повѣдалъ Ермиль свое горе — какъ семья погибла, какъ деньги пропали и говоритъ:

— По грѣхамъ моимъ наказалъ меня Богъ. Былъ я немилостивый, не взиралъ на людскія слезы, обижалъ народъ. И рассказываетъ — такъ и такъ: послали его мужики ходоконъ, землю снимать. И какъ видѣлъ Ермиль крестьянскую нужду, видѣлъ и купеческую жизнь — складно онъ выложилъ барину все дѣло.

И какъ рассказалъ — какая бѣдность въ крестьянствѣ, какая тѣснота, какая обида отъ купцовъ — умилился баринъ. Показались ему Ермиловы рѣчи. Сдалъ мужикамъ землю дешевле противъ купца; деньги разсочилъ. Сдѣлалъ бумагу, отдалъ Ермилу, отпустилъ.

И заиграло въ Ермиль сердце. Пришелъ онъ на постоялый дворъ, легъ спать, послалъ ему Богъ сонъ сладкій, спокойный.

Воротился въ село, сбили мужики сходку, отчитался Ермиль въ деньгахъ, прочиталъ бумагу, что сдѣлалъ съ бариномъ на счетъ земли. Не вспомнили себя мужики отъ радости. Всякое зло позабыли на Ермиль.

Выйдетъ Ермиль на народъ, видитъ — веселый народъ, привѣтливый. Загають ребятишки на Ермила,

выскачать бабы, окоротятъ ребятъ, кланяются Ермилу.

И облегчилась Ермилова душа. Придетъ ночь, ляжетъ онъ на дерюгу, шевельнутся въ немъ прежнія мысли да и затихнуть. И даетъ ему Богъ сонъ сладкій, спокойный.

XXII.

Тѣмъ временемъ разобрали въ судѣ банковыя дѣла, учли остатки, присудили выдать вкладчикамъ. Пришлось на Ермилову долю три тысячи цѣлковыхъ. Прислали ему объявку изъ города.

Смутился Ермилъ, беспокойно сдѣлалось у него на душѣ. Сонъ не дается, ворочаются прежнія мысли. Подумалъ, подумалъ, пошелъ въ городъ, получилъ деньги, отчиталъ шестнадцать сотенныхъ, отослалъ къ купчихѣ неизвѣстно отъ кого; пошелъ въ слободу, отыскалъ человѣка у мужика на задворкахъ. Живетъ тотъ человѣкъ по прежнему, учитъ дѣтей грамотѣ и счету, имѣетъ свое пропитаніе. Увидалъ его Ермилъ — удивился: никакой нѣтъ перемѣны въ человѣкѣ: сидитъ на лавкѣ, обряженъ въ чистую рубаху, изъ себя костлявый, только виски стали сѣдастые, — сидитъ и въ книжку смотреть. Оглянулся на Ермила и говоритъ:

— Что тебѣ, старче, нужно! — Не узналъ Ермила.

Напомнилъ ему Ермилъ, какъ грамотѣ приходилъ учиться, какъ отказался человѣкъ, какъ увѣщалъ Ермила отъ жадности уберегаться, какъ Ермилъ не послушался человѣка. И рассказалъ Ермилъ всю свою жизнь отъ перваго и до послѣдняго.

И растворилось сердце у человѣка и просвѣтлѣлъ онъ изъ лица. Плачетъ Ермилъ о своихъ грѣхахъ и человѣкъ съ нимъ плачетъ. И глядитъ на Ермила человѣкъ мягко, милостиво.

И сказалъ Ермилъ, что обдумалъ въ своемъ умѣ.
И ободрилъ человѣкъ его мысли.

XXIII.

И пошелъ Ермилъ по городу по торгамъ, по базарамъ и сталъ одѣлять нищихъ. И пошелъ въ острогъ, и пошелъ въ больницы, и въ заѣзжіе дома, и въ странно-пріимные дома, и пошелъ въ пригородъ къ голыдѣбѣ и всякій, кто нуждался, бралъ у Ермила деньги въ Христово имя. И не осталось денегъ у Ермила даже и на фунтъ хлѣба. И подумалъ онъ — пора!

И пошелъ въ соборъ какъ отойти обѣднѣ и видить — сталъ расходиться народъ. Снялъ онъ шапку, взлѣзъ на паперть, окоротилъ народъ. Послушай, говоритъ, народъ православный! великій я грѣшникъ... позарился на разживу — загубилъ человѣка, удавилъ купца въ чистомъ полѣ. Во всемъ покался.

Ахнулъ народъ, содрогнулся. Иные испугались, домой пришли, какъ бы грѣшнымъ дѣломъ въ свидѣтели не попасть; другіе осудили Ермила, потому что подумали: дуракъ тотъ человѣкъ, который концы не хоронить. А многіе пожалѣли Ермила. Услыхали полицейскіе, подошли, взяли Ермила, повели въ острогъ.

И въ острогѣ захворалъ Ермилъ: тѣсно ему, тяжело, духъ спертый, вонючій, не переносенъ для стараго человѣка.

Тѣмъ временемъ дошелъ слухъ до Ивана, побѣжалъ Иванъ въ городъ, выручилъ брата на поруки, привезъ домой.

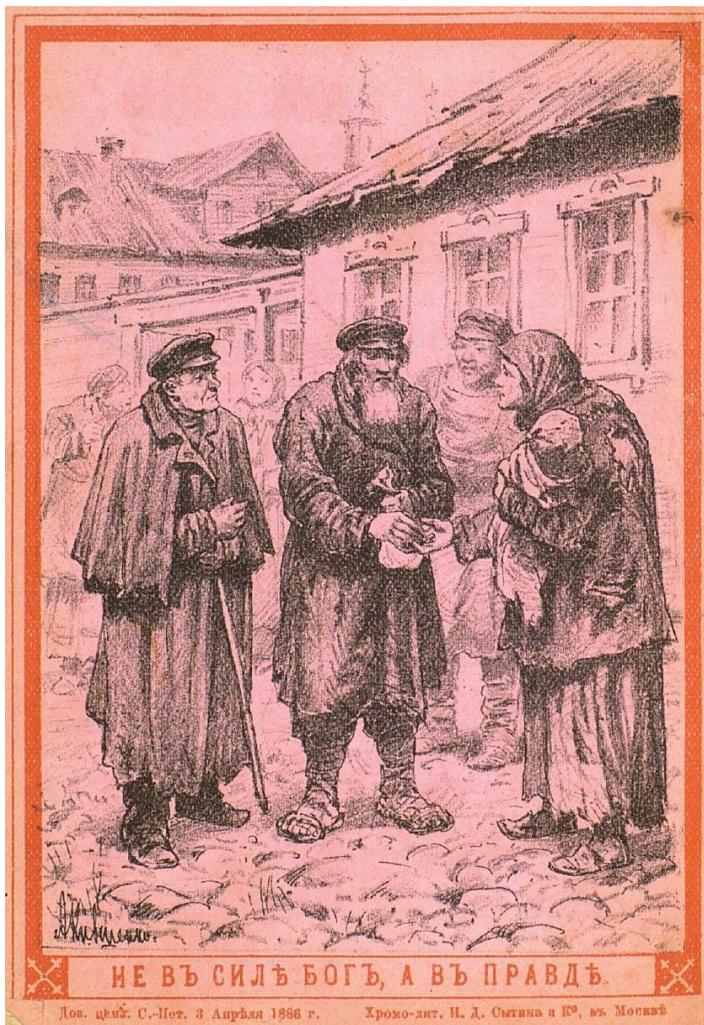
И пришла смерть къ Ермилу.

Лежалъ онъ въ клѣтѣ и однимъ днемъ сдѣлалось ему очень трудно. Поманилъ онъ брата Ивана, молить, чтобъ на улицу вынесли.

День вешній, тепло на улицѣ. Положили его на

дерюгу, вынесли на улицу. И видитъ Ермилъ — обступилъ его народъ, тужить по немъ, жалѣеть. И понялъ Ермилъ, что простилъ его Богъ и умилелся. И сдѣлался изъ лица свѣтлый, радостный... и померъ.

КОНЕЦЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы с часовней в Язвищах (<https://xgam-v-yazvichax.ru>), занимающегося реставрацией храма, расположенного в селѣ Язвищи Боровенковского сельскаго поселения Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ сель и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человекъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвицахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документациі.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ
Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой
Троицы въ Язвицахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложение вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвования). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

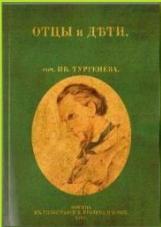
Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРФОГРАФІИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орфографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для ценителей русскаго языка.

Приобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу:
<https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru>, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

Доступны на

Человѣка, добротой дающаго, любить Богъ, и недостатокъ дѣль его восполнить
[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]